

путях онтологического аргумента, обнаруживающего «неотмыслимость Абсолютного» (235).

Ряд проблем, не рѣшенных в рассмотрѣнной нами книгѣ, Вышеславцев намѣрен рассмотреть во втором, ненапечатанном еще томѣ своего труда: вопрос, не есть ли Абсолютное — Ничто, есть ли Оно — Бог, отношеніе этики благодати к закону, к праву и государству и т. п.

Высокая цѣнность книги Вышеславцева заключается в его ученіи о сублимации. Страшные откритія, произведенныя Фрейдом и его школою, могут быть губительными для человѣка, если не указать путей для преображенія низких инстинктов, таящихся в области подсознательнаго. Особенно важны доводы в пользу того, что эта цѣль достижима не иначе, как путем связи воображенія и воли человѣка с конкретным добром Абсолютнаго, с живою личностью Богочеловѣка и святых. Вышеславцев показывает, что воспитаніе воображенія, чувства и воли в духѣ христіанскаго міропониманія есть единственный путь для достиженія полноты совершенной жизни. При этом ему удалось найти новые доводы в пользу того, что христіанство достигает этой цѣли лишь в том случаѣ, когда оно выступает подлинно как религія любви и свободы, как проповѣдь царства благодати, не искажаемая духом законничества и нетерпимаго фанатизма.

Н. Лосскій.

Giseler WIRSING. Zwischen-europa und die deutsche Zukunft. Verlag E. Diederichs. Jena, 1932.

Walter HOFFMAN. Südost - Europa. Verlag W. Linder. Leipzig, 1932.

Тяжелый экономическій кризис в средней Европѣ вызывает стремленіе осмыслить его сущность и намѣтить пути исцѣленія. От многих других трудов, написанных на эту тему, «Промежуточная Европа» **Вирзинга**, молодого талантливаго гейдельбергскаго экономиста, отличается большой эрудиціей и исключительной оригинальностью подхода.

Главная мысль автора заключается в том, что смысл пореволюціонных сдвигов в Германіи и Австріи — не в созданіи національнаго изолированнаго хозяйства, а в отрывѣ от капиталистическаго Запада и в сліяніи, на началах свободной федерации, с «полукapиталистическими» аграрными странами «промежуточной» Европы. Под этим новым термином понимается объединеніе среднеевропейских промышленных стран и прибалтійских окраинных государств с аграрными странами Юго-Востока.

Промежуточная Европа, пишет Вирзинг, есть рожденіе новаго «геополитическаго блока» в міровом хозяйствѣ. Идея мѣсторазвитія побуждает политическій шовинизм молодых національных государств. Разочарованіе прусской централизацией в Германіи, распад мірового хозяйства, неразрѣшимость аграрнаго кризиса на Юго-Востокѣ Европы, повсемѣстное развитіе промышленнаго этатизма

и административнаго протекціонизма толкают «промежуточную» Европу на путь федеративно-региональнаго выдѣленія из капиталистическаго міроваго хозяйства. В результатѣ намѣчается совѣм новая комбинація в видѣ діалектическаго объединенія идеи національнаго полузамкнутаго хозяйства с идеей распада міроваго хозяйства на самодовлѣющіе областныя блоки. Повсемѣстное созданіе «государственно-частной» системы хозяйства и усиленіе «зеленаго интернаціонала» в славянских странах значительно облегчают, по мнѣнію автора, и благополучное устроеніе крестьянства и трудящихся масс в формах нарождающейся средневропейской федерации.

Идеологія Вирзинга, несмотря на глубокія симпатіи к «подлинному» крестьянству, не народническая. Его идея «реаграризации» Средней Европы не демократична. В основѣ его концепціи лежит стремленіе к ликвидаціи либерализма и к достиженію экономической автаркіи огромнаго областного блока, население котораго, в 166 мил., было бы наполовину нѣмецким. Отсюда один шаг до идеологіи германскаго націонал-идеократизма. И автор поступает послѣдовательно, когда переходит к подробному изученію «цѣлостной интеграціи государства» в Германіи. Теоріи извѣстных націоналистических государствѣдов, Карла Шмида и Рудольфа Сменда, служат для него отправным пунктом. Как раз главы, посвященныя изслѣдованію вопроса об этатизаціи хозяйства и экономиче-

ской автаркіи, являются лучшей частью Вирзинговскаго труда и имѣют актуально - политическое значеніе. Слѣдует также отмѣтить и тенденцію автора представить средневропейскій культурно - историческій процесс, как функцію мѣсторазвитія, — что придает всей его книгѣ характер оригинальнаго научнаго изслѣдованія.

На другой платформѣ стоит автор «Юговосточной Европы», фрейбергскій экономист Вальтер Гюфманн. В своем обширном трудѣ, касающемся хозяйства, политики и культуры Югославіи, Болгаріи и Румыніи, он не ставит себѣ цѣлью изученіе проблемы областного экономического объединенія Средней Европы, но ограничивается изслѣдованіем хозяйственнаго развитія трех аграрных юговосточных стран, учитываяая их тѣсную экономическую связь с Германіей и Австріей. Ничего не преувеличивая, изслѣдователь слѣдит за постепенным раскрытіем спящих производительных сил Юго-Востока, отмѣчает нарастающій темп индустриализаціи Румыніи и Югославіи, подробно изучает послѣдствія аграрных реформ для развитія сельскаго хозяйства и дает цѣлый ряд цѣнных свѣдѣній о крестьянской кустарной промышленности и о примѣненіи принудительнаго труда в Болгаріи. Исходя из статистических данных, автор отмѣчает усиленіе промышленнаго протекціонизма на Юго-Востокѣ и столкновеніе экономических интересов Германіи и Австріи с интересами развивающейся промышленности Итали и западнославянских стран. Будущее

Германиа на Балканах все же не рисуется ему безнадежным, т. к. он не опасается полной индустриализации Юговосточных стран и не вѣрит в осуществление Придунайской конфедерации. Свой обширный и чрезвычайно трезвый труд Гюфмани заканчивает призывом к Франци не препятствовать созданию средневропейскаго экономического блока, который облегчил бы осуществление общеевропейскаго сговора.

Б. Ижболдин.

B. GROETHUYSEN. Origines de l'esprit bourgeois en France. I. (1927).

Эта книга своего рода хрестоматия любопытнѣйших и, насколько я знаю, до сих пор никого не привлечших к себѣ источников — сборников французских проповѣдей 17-18 в.в. — особый вид тогдашней публицистики, цѣнной тѣм, что обращалась она не к «хорошему обществу», не к «Городу и Двору», которыми, за малыми исключениями, только и занимаются историки французской культуры, а к массам, к народу.

Автор, во-первых, извлекает из этих источников тѣ мѣста, которые касаются «буржуазных» по преимуществу грѣхов и слабостей: любостыжанія, торгашества, ростовщическаго лихоимства. С этими явлениями Церковь издавна боролась, чего как будто не принимает во вниманіе автор, — по

крайней мѣрѣ, не оговаривает; но он прав, указывая, что только с конца 17 вѣка Церковь включает в свое поле зрѣнія буржуа, как специфических носителей этих пороков, тогда как раньше проповѣдническая так сказать социология знала только «вельмож» и «бѣдняков». В нѣкоторых проповѣдях — очень интересныя — и рѣзко отрицательныя — характеристики новых отношений между рабочими и работодателями, нападки на машинизм и т. п. Критикуя зарождающійся капитализм обобщенно, рассматривая его, как проявленіе современной цивилизации, противопоставляя капиталистическому строю, основанному на эксплуатации пролетаріата, идиллическія отношенія, существующія там, гдѣ преобладает земледѣльческій труд, утверждая, что прогресс «наук и искусств», которым сопровождается развитие индустрии и торговли, куплен дорогой цѣною паденія нравов и нравственности, церковныя проповѣдники во многом совпадают с автором знаменитых двух «Разсужденій»: Руссо вырос в кальвинистской атмосферѣ, а кальвинизм, сколь ни содѣйствовал он развитію капиталистическаго духа своей доктриной о земном «призваніи» каждаго человѣка и об успѣхѣ, как залогѣ «оправданія», все же стоял, по отношенію к денежному хозяйству на столь же непримиримо-аскетической точкѣ зрѣнія, лишь постепенно идя на компромиссы и сдавая свои позиціи — как это выяснил Таупеу (в своей замѣчательной работѣ